

ЗА ВРЕМЯ, прошедшее после внезапной, как выстрел, смерти М. В. Фрунзе, о нем создано множество научных, документально-исторических, мемуарных работ, книг, художественных произведений. С их страниц астаёт объёмный образ мужественного революционера-подпольщика, полководца, человека поленински щедрого и чистой души. И все же, несмотря на обширность литературы о Фрунзе, последние годы его жизни и деятельности до сих пор освещены крайне скупо, неполно, а во многом, как сейчас становится все более очевидным, неточно, не в полном соответствии с исторической правдой и даже искаженно. Кажется, что обилие запоздалых посмертных здравий, трафаретно построянных, полупезных описаний прошлых заслуг, дешёвое словословие некоторых авторов в адрес Фрунзе, демонстративное навязывание себя в его ближайшие друзья и соратники иных партийных деятелей (Каганович, Ворошилов) и столь же противоестественное отлучение от него настоящих друзей (Андрея Бубнова и других) должны были скрыть какую-то неразгаданную тайну об этой сильной и независимой личности, по праву выдвинувшейся к середине двадцатых годов в первый ряд политических и военных лидеров страны. Особенно много недоговорок, умолчаний и прямых несообразностей накопилось на последних страницах существующей научно-исторической и художественной Фрунзенщины. Мы и пытаемся внести необходимые сегодня коррективы именно в эти менее всего освещённые страницы биографии нашего выдающегося земляка.

24 октября 1925 года состоялась вторая «консультация» врачом М. В. Фрунзе, на которой был подтверждён прежний диагноз — «язва двенадцатиперстной кишки (или входной части желудка)» — и прежде же решение относительно способа лечения — «оперативное вмешательство». «С этого момента», — свидетельствует близко знавший Фрунзе старший большевик-подпольщик Иосиф Карлович Гамбург, — бодрое настроение покинуло Михаила Васильевича. На людях он держался спокойно, расспрашивал о делах и давал советы. Но когда посторонним не было, он становился озлобленным, задумчивым».

Нарком всячески отгонял от себя недобрые мысли и предчувствия. Едва выдалась свободная минута, написал детям забавные открытки — последние из них, адресованные пятилетней Тане и семилетнему Тимуру, датированы двадцатым октября.

Когда, уступая настояниям врачей и давлению Сталина, Фрунзе вынужден был дать согласие на операцию, он решил немедленно известить об этом Софью Алексеевну и 26 октября, ещё находясь в Кремлёвской больнице, написал жене обстоятельное письмо. Письмо, которое оказалось для него последним.

Внешне обычное, спокойное письмо. «Ну, вот... подошел и конец моим испытаниям». Завтра утром я переезжаю в Солдатковскую (ныне больница им. С. П. Боткина. — А. Ж.) больницу, а послезавтра (в четверг) будет операция. Когда ты получишь это письмо, вероятно, в твоих руках уже будет телеграмма, извещающая о ее результатах. Тут обращает на себя внимание то, что Фрунзе понимал, что телеграмма с известием о результате операции скорее всего опередит его письмо. И, однако же, он счел нужным написать его... Значит, ощущал потребность высказаться перед близким человеком, а может быть, старался отогнать от себя какие-то тревожные, мучившие его мысли.

Софью Алексеевну это письмо, — шесть листов нелинованной бумаги, исписанных чер-

ными чернилами угловатым но очень разборчивым почерком, — исполненное естественного для мужественного человека планов, советов и пожеланий, в Крыму уже не застало, потому что она, зная о случившейся трагедии, была на пути в Москву.

В том письме Михаил Васильевич, как бы убеждая самого себя и самого близкого ему человека, так обосновывал необходимость радикального вмешательства в течение болезни: «А то у нас все как-то идет хуже, хуже. От твоих забот о детях выходит хуже тебе, а в конечном счете и им. Мне как-то пришлось услышать про нас такую фразу: «Семья

Александр ЖИРКОВ.

лис — парламент — провозгласил Турцию республикой, первым президентом которой был избран руководитель национально-освободительной революции, сторонник дружественных отношений с Россией Кемаль Ататюрк. Михаил Васильевич, возглавлявший с 5 ноября 1921 года по 31 января 1922 года чрезвычайное посольство Украины в Турции и подписавший там договор о дружбе и братстве с этой новой, освобожденной от ига султана и империалистических сетей республикой, пользовался большим расположением правительства Ататюрка. Последнее письмо М. В. Фрунзе еще раз подтверждает это доброе,

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО М. В. ФРУНЗЕ

Фрунзе какая-то трагическая... все больно и на всех сыпается несчастьем...». И правда, мы представляем какой-то непревзойденный лазер. Надо попытаться отменить все это решительно. Я за это дело взялся (подчеркнуто мною — А. Ж.). Надо сделать и тебе. Советы врачей относительно Янты считаю правильными. Попробуйте провести зиму там. С деньгами как-нибудь справимся».

В послании жене, продиктованном чрезвычайными обстоятельствами предоперационного времени, Фрунзе, как это сегодня становится ясно, в силу объективных и личностных причин не был да и не мог быть до конца откровенным. Фрунзе всячески старается прежде всего убедить близкого ему человека в несерьезности, вроде бы абсолютной легкости неожиданно назначенной операции: «Я сейчас чувствую себя абсолютно здоровым и даже как-то смешно не только идти, а даже думать об операции. Тем не менее оба консилиума постановили ее делать. Лично этим решением удовлетворен. Пусть уж раз навсегда разглядят хорошенько, что там есть, и попытаются наметить настоящее лечение». И тут же проскальзывают тревога, сомнения в верности предстоящего шага: «У меня самого все чаще и чаще мелькает мысль, что ничего серьезного нет, ибо в противном случае, как-то трудно объяснить факт моей быстрой поправки после отдыха и лечения», (подчеркнуто мною — А. Ж.).

Конечно же, Фрунзе многого здесь недоговаривает, не расширяет, по сути избегая полной определенности. В письме вроде бы нет даже намека на то, что его обращение может оказаться прощальным, и а то же время оно словно бы излучает сквозь годы какие-то тревожные, вызывающие к нашей совести и сердцу токи. А не мог он сказать об очень существенном, о том, что вопрос о его болезни обсуждался на самом высоком уровне, что, вопреки обычной практике, — здесь никогда не назначали конкретных методов лечения, тем более — хирургического вмешательства. Сталин настаивал на проведении именно операции. Высказав внешнее удовлетворение врачами приговорами к операции, Михаил Васильевич все-таки открытым текстом выразил свое внутреннее несогласие со всеми этими непонятными тогда для самого наркома и ставшими понятными для нас сегодня акциями, а именно — со сталинским давлением и с принятыми под его воздействием постановлениями двух врачебных консилиумов, грубо проигнорировавших беспорядки для всех успехи

традиционного, медикаментозного лечения язвенной болезни наркома, говоря словами самого Фрунзе, факт его быстрой поправки после отдыха и лечения. С глубоким запоздалым сожалением и горечью приходится признать: бесстрашный герой большевистского подполья и гражданской войны вынужден был шагнуть к роковой рубриковской черте, чтобы не быть запоздавшим в чрезмерной осторожности или даже в страхе за свою собственную жизнь.

Подавляя в себе интуитивное предощущение грозящей опасности, Михаил Васильевич в своем последнем письме высказывает слова простой и сердечной заботы о родных ему людях, прежде всего о жене, здоровье которой, несмотря на лечение и в Крыму, и в Финляндии, скоротечно съедая туберкулез: «Зимние вещи прощишь — но какие? Да ты ведь даже и не ходишь... Ведь прямо срам один, — с напуганной суровостью выговаривал он. — Никуда не годится... Поэтому извольте поправляться...». И рядом интимное, как признанье, словно бы предостережение зашифрованное на предмет все-таки допускавшегося исхода от чужого или случайного взгляда обращения к любимой женщине: *signora Sara* — дорогая сеньора... Оно, это обращение, лишним раз подтверждает свидетельство близких Фрунзе друзей о том, что он очень любил семью, был «исключительно заботливым к жене», «всегда тосковал, когда ее не было дома. Софья Алексеевна помогла, как могла, мужу в работе, постоянно заботилась о нем и детях...» (И. Гамбург).

На следующий же день после предполагавшейся операции Фрунзе намерен был начать хлопоты об устройстве в Ялте двухнедельного лечебного отдыха: «После операции надеюсь на две попытки приехать к вам, чтоб не оплачивала визиты врачей из своих заработков, — на это не хватит никаких заработков... В пятницу посылаю Шмидта устроить все для жительства в Ялте».

В том своем последнем письме Михаил Васильевич выражал уверенность в благополучном исходе операции, уславив жену, сообщая: «...сейчас чувствую себя абсолютно здоровым». «Я настроен хорошо и совершенно спокоен. Лишь бы было благополучно у вас. Еще раз обнимаю и целую».

Такую же бодрую телеграмму в ответ на запрос о состоянии его здоровья Фрунзе тогда же направил в Тифлис Сергею Орджоникидзе: «Прекрасно, в четверг оперируюсь, привет, Михаил». Кажется, ничего не предвещало трагедии...

29 октября 1923 года медж-

уважительное отношение. Фрунзе делится с Софьей Алексеевной, по всему заметно, приятной для него новостью: «Сегодня получил приглашение от турецкого посла прибыть вместе с тобой к ним в посольство на торжество по случаю годовщины их революции. Написал ответ от тебя и от себя».

Сейчас в нашей печати постепенно, одно за другим появляются различного характера сообщения, подтверждающие мысль о непростой и теперь, с годами трудно поддающейся окончательному выяснению, драматической подоплеке последней операции М. В. Фрунзе. Во-первых, все более утверждается та точка зрения, что, не будучи формально лидером партии и государства, прямо не входя, скажем, в круг «вождей», охарактеризованных и по сути отвергнутых В. И. Лениным в его «Политическом завещании», Фрунзе по всем своим деловым, политическим и особенно нравственным качествам, чрезвычайно импонировавшим современникам и обеспечившим ему заслуженно высокий авторитет в массах и руководстве, объективно мог и должен был рассматриваться (как его единомышленниками и соратниками, так и соперниками и недругами) как один из наиболее вероятных претендентов на самый высокий пост в стране. Сталин имел вполне реальные основания опасаться этого соперничества, особенно после абсолютно ясной и однозначной характеристики Ильича, данной генсеку в связи с его явно несостоятельными взаимоотношениями с «необъятной властью». Это была реальная и теперь с высоты времени, кажется, достаточно очевидная альтернатива будущему «отцу народов». Хотя, добавив для полной ясности, сам Михаил Васильевич непоколебимо и дальновидно стоял на позиции дальнейшего утверждения авторитета ЦК, то есть укрепления коллективного лидера партии.

Помня об всем этом, обратимся прежде всего к недавно опубликованному документальном повествованию В. Успенского, в котором есть чрезвычайно показательные и недвусмысленные строки о странном поведении и душевном смятении Сталина в момент самой операции Фрунзе, совершавшейся с его ведома и благословения. «Мы с Иосифом Виссарионовичем, — доверительно сообщает автор, — в каком-то полусоветском зале с рядами стульев, с возвышением для президиума. Клуб, что ли, или помещение для заседаний? Шла операция, а мы в этом пустом помещении. Очень возлупованный Сталин шагал по проходу мимо стульев. Метался, как в клетке, словно обуреваемый страхом и сомнениями. Часто смор-

кался. Задерживаясь возле меня, смотрел невидящими, будничными глазами. И вдруг сказал, словно прося совета: — Еще не поздно, еще можно остановить!»

В чем он сомневался? Чт его мучило? Какую грань боялся переступить?

Не я один был в том помещении, не я один слышал вырвавшиеся у Сталина слова. Они дали повод для разных, даже самых крайних предположений и толкований.

Одно из таких толкований содержится в воспоминаниях Анны Михайловны Лариной жены Н. И. Бухарина. Незаконно репрессированная вслед за арестом и осуждением мужа А. М. Ларина встретилась камере внутренней тюрьмы НКВД с женой комкора Угрюмовой, бывшей приятельницей матери М. В. Фрунзе. А. М. Ларина пишет, что со слов Марии Ефимовны, Угрюмова (к тому времени также находившаяся в заключении) «рассказала в лагере кому-то из заключенных о том, что Сталин предмерно погубил Фрунзе, не стояв на операции язы жульдака, операции, которую Фрунзе была не нужна. В последнее время Михаил Васильевич чувствовал себя злым, рылым. Вскрытие показало, что язва была зарубцована, умер Фрунзе сорокалетним, не проснувшись после наркоза, — сердце не выдержало. Доносительство в томском лагере цвело пышным цветом, поэтому Угрюмову сразу же отравили в Московскую следственную тюрьму и обвинили в злостной клевете на Сталина». Несмотря на прежнее определенное знакомство с аналогичной версией Б. Пильняка в его «Повести непогашенной луны» и на то, что в 1938 году автор воспоминаний «в кривожадности Сталина... сомнений не было», А. М. Ларина все-таки усомнилась в его причастности к смерти Фрунзе. И потому спросила жену комкора о причине подобных тяжких обвинений.

— Он убрал его потому, — пояснила она, — что Михаил Васильевич, по словам его матери, до последнего времени признавал авторитет Троцкого с большим уважением относился к нему.

Мать Фрунзе, по рассказам Угрюмовой, была полна ненависти к Сталину и говорила, что смогла бы задушить его собственными руками. Мать, и жена Фрунзе вскоре после смерти Михаила Васильевича скончались... Все это было поведамо мне шепотом, чтобы никто не услышал. Ясно, что взаимоотношения Фрунзе и Троцкого — это особая непростая тема, требующая специального рассмотрения. Известно, что отношения эти нельзя считать однозначными: они изменялись и были далеки от идеальных. Напомним, при оценке многих спорных вопросов, обсуждений, осуждений конкретных перебои, ошибок Троцкого Михаил Васильевич, как правило, принимал сторону Ленина и Ш. Столковского, разногласия этих столь разных деятелей не переступали границ идеологической борьбы. Фрунзе, как уже отмечалось, всем своим умом протестовал против упрощенного, оглушного, административно-силового подавления инакомыслия. Неслучайным и применительно представляется обнародование еще одного живого свидетельства тогдашних современников, прямо подтверждающих причастность «негробающего человека» (Б. Пильняк) к операции и гибели наркома, свидетелем, исходящего от самых близких Михаил Васильевичу людей. И это достойная внимания та поистине догматическая жестокость, с которой преследовались люди, как-то посвященные в историю операции и смерти Фрунзе...